

Явора Бенгаль вспомнила, кем являлся инквизитор перед ней.

«Слепой чтец», ритуалист, прославившийся в деле об убийствах в Горькой долине.

Те серийные жертвоприношения были устроены одним из её подчинённых, но он погиб от рук ритуалиста, действовавшего в одиночку без поддержки команды, и это сильно потрясло многих в культе Искращения.

Они обсуждали внешность и особенности этого ритуалиста — одни презрительно заявляли, что с ними бы такого не случилось, другие же осторожно размышляли, как им самим следовало бы действовать в подобной ситуации.

«Увидите его — сразу убейте, — говорили они. — Это безжалостный тип, с ним нельзя затягивать».

«Не позволяйте ему смотреть на вас».

Но Явора Бенгаль тогда не придавала этому значения. Ритуалисты, даже самые сведущие, были сильны, но их природа обрекала их на уязвимость. Для такого высшего служителя, как она, поймать их на промахе стоило совсем ничего.

Однако именно в эту секунду, именно в это мгновение...

Явора Бенгаль не успела ничего предпринять.

Окропленный кровью жёлтый бриллиант внутри глаза вспыхнул, как сухое полено, и ослепительно-золотистое пламя, символизировавшее Дракона Света, заплясало в глазнице темноволосого ритуалиста. И в следующее мгновение раздался крик.

Это закричал не он.

Это закричала она.

Такое же жёлтое пламя вырвалось из её глаз, воспламеняя всю её саму! Она ничего не могла видеть, и даже восприятие через связанные с ней растения не помогало.

Вездесущее сияние и жар окутали её, очищающая сила ворвалась в её магию, выжигая всё. Если бы кто-то мог взглянуть на окрестности сверху, то увидел бы, как в этот миг везде — в углах туннеля, в глубинах подземных озёр, в грибных лесах нижних уровней и даже в тенях на улицах Шпиневилля — незаметные травинки, мхи, цветы и деревца вдруг вспыхнули огнём.

То были растения, которыми управляла Явора Бенгаль. Теперь они сгорали под действием ритуала.

Ритуал назывался «Свет из тьмы».

«Приношу тебе в жертву то, что видит свет, о, Дракон! Когда я погружусь во тьму — зажги меня, озари всё вокруг светом».

Это был ритуал с целенаправленной областью действия: все культисты в пределах поля зрения Линя «озарялись».

Только вот «озарение» Драконом Света означало возгорание.

Сила данного бога света и очищения, соприкасаясь с осквернённой магией культистов, вступала в реакцию столь же бурную, как натрий в воде или кислота с сахаром. Именно потому его служители были опорой Инквизиции: маги света из внутреннего надзора с лампами над головами и святосветные рыцари, готовые в любой миг выхватить меч и выкрикнуть «разящий свет!».

Он не успокаивался, пока не выжигал всё дотла.

Явора Бенгаль завывала в огне, и за считанные секунды половина её тела обратилась в пепел. Но она ещё не погибла. Дар Девы Серебряной Луны сделал жизнь пастыря цветов невероятно стойкой, и она даже нашла шанс на спасение.

Рядом с ней был Листчес Азари, прилипший к стене. Его тело не двигалось, но голова всё ещё могла шевелиться. Завидев, как Линь срывает повязку с левого глаза, он выкрикнул:

— Тьма!

И хотя его руки не могли достать до слоёв из шалей, короткая молитва сработала: прежде чем в глазу Линя разгорелось пламя, густая, непроглядная тьма окутала лисолюда. Это преградило обзор ритуалиста и уберегло бывшего директора от возгорания.

Очевидно, что и он, как Линь, носил на себе уменьшенный ритуальный круг, позволяющий активировать заклинание в любой момент.

И его круг указывал на Тёмное Солнце. Несомненно, это была оборонительная мера против ритуала в глазу Линя.

Будучи бывшим директором ритуального подразделения и непосредственным начальником Линя, Листчес прекрасно знал, какой узор скрывался в глазах подчинённого.

Он изучал его теории, изучал ритуалы тёмных богов — и теперь применил всё.

Но явно не к такому случаю он готовился. Ритуал Тёмного Солнца и правда спас его, но он всё равно не мог сбежать.

И, возможно, именно то, что Явора Бенгаль коснулась края этой тьмы; либо тот факт, что ранее она оставила на Листчесе крошечные, незаметные ростки, — позволило ей ощутить в нём спасительную нить.

Её тело почти полностью обратилось в огонь, уцелели лишь голова, грудь и половина бедра. Она рванула к Листчесу.

Линь судорожно втянул воздух. В его левом глазу всё ещё горело пламя, но в отличие от жертвоприношения в других ритуалах, сейчас ритуалист не ощущал онемения — он сам вогнал бриллиант в глаз. Боль была такой, что и правый глаз уже плохо видел.

Но даже в таком состоянии Линь понял, чего добивалась Явора, и рефлекторно потянулся за пистолетом.

Только дрожащая от боли и пота рука скользнула мимо рукояти.

Когда он собрался попытаться ещё раз — в ослепительно освещённом туннеле сверкнула алая вспышка.

Кроввирг, словно обрушившийся молот, двумя ударами начертал крест на останках Яворы. В центре пересечения, вместе с оставшимся следом меча, вспыхнуло Святое Сердце — символ Матери Первозданной Крови.

И тогда Явора, не погибавшая до этого, застыла.

Сердце взорвалось.

И она рассыпалась в пепел — вся, целиком, в красном и жёлтом пламени.

А Кроввирг, не нуждаясь в зрении для ощущения жизни и смерти, нанёс следующий удар в тело Листчеса.

Одновременно прибывшая Ходогора опустилась на одно колено рядом с Линем и увидела, как пламя в его левом глазу погасло вместе со смертью Яворы Бенгаль.

Но глазница была уже пуста — жертвоприношение гарантировало, что в ней не останется ни

единой ткани. Даже вдавленный в глаз жёлтый бриллиант исчез целиком, не оставив и осколка.

Только кровь всё продолжала сочиться.

— Линь, держись! — закричала Ходогора. Она подняла руку, но затем опустила её обратно.

Глазное яблоко являлось слишком сложным органом для её исцеления. Создать новый орган мог только кровеплотяной целитель, и Ходогора не знала, как проходила пересадка глаза и что ей следовало сделать прямо сейчас: хотя бы остановить кровотечение или нет.

— Не говори так, будто я уже отправляюсь к Инеевому Звоноврану... — выдохнул обессиленный Линь. Увидев, что Явора окончательно погибла, он испытал облегчение. Его губы дрожали от боли, но ритуалист всё равно вымолвил: — Обезбол, президент.

Процедуру вживления нового глаза Линь знал слишком хорошо — жертвовал глазом не впервые. Да, болело сильно, но сама перспектива лечения его не пугала. Даже если пока нельзя было вернуться в центральное отделение Инквизиции, сейчас хватило хотя бы просто унять боль, чтобы та не мешала дальнейшим действиям.

Ходогора наконец вспомнила о редком заклинании, которым почти не пользовалась. Алое сияние магии накрыло левый глаз Линя.

В следующее мгновение лицо Линя, и без того бледное, стало мертвенно-белым. Заклинание должно было снять боль, но он почувствовал, будто лезвие рассекло нерв глаза.

Все ощущения разом исчезли, осталась лишь нестерпимая агония, заполнившая его мозг. Белое сияние залило всё его зрение, дыхание сбилось, словно он тонул.

Только спустя какое-то время его пять чувств постепенно вернулись. Он ощутил, что кто-то изо всех сил удерживал его тело, а кто-то другой крепко сжимал его руку.

— Что делать?! Линь так сильно бьётся...

— Кандис, прижми его грудь!

— Я точно применила обезболивающее, точно! Папа! Папа, иди посмотри!

— Подождите... Кандис сказала, что осколка нет. Его нужно вернуть, это опасно!

«Осколок... Фрагмент "Раковины"».

С того мгновения, как Линь использовал ритуал «Свет из тьмы», гул прибора почти исчез. Но теперь он вновь раздавался — и уже не в его ушах, а прямо в черепе.

В пустой глазнице, где ничего не должно было быть, он ясно ощутил инородное тело.

Что-то острое, с гранями, впивалось в его левую глазницу. Линь инстинктивно потянулся туда рукой, пытаясь вытащить предмет.

— Линь!

— Ты в перчатках! Они не простерилизованы!

Под крики товарищей окровавленные пальцы вошли внутрь — и не нащупали там ничего.

Через два часа.

Центральное отделение Инквизиции в Шпиневиле, первый медицинский блок, второй этаж.

— Как операция?

— Вживление нового глаза прошло успешно. Я гарантирую, что он будет работать так же хорошо, как и прежний. Только бы он через пару недель снова не пришёл на пересадку...

— Значит, всё же успешно? Но вы выглядите обеспокоенной.

— Ах, верховный инквизитор... Да, есть одна проблема. Новый глаз мы пересадили, но инквизитор Линь всё время жалуется на боль.

— М-м. Я уже слышал, что обезболивание иногда не срабатывает. А наркоз?

— Мы пробовали и обезболивающие, и анестезию — всё безрезультатно. При этом обследование показало: никаких патологий, никаких следов проклятия. Мы подозреваем, что...

Врач в белом халате запнулась, колеблясь.

— Боюсь, это фантомная боль, — наконец сказала она. — Похоже, психологическая. Этот молодой человек жертвовал глазом уже несколько раз. Он сам думает, что всё в порядке, но возможно, всё же осталась травма. И на этот раз она прорвалась наружу.

Снежноволосый розовоглазый Фельдграу Дуофюр нахмурился.

— Я понял, — сказал он врачу. — Благодарю, отдохните немного.

— О, верховный инквизитор, по сравнению с вами я ничуть не устала... — врач осеклась, увидев неодобрительный взгляд Фельдграу, и поспешила добавить: — Я почти всё закончила. Обойду палаты, передам смену и сразу уйду домой.

— Если врач надорвётся, что будет с остальными? — тихо заметил он. — В центральном отделении работает достаточно кровеплотяных целителей, чтобы никто не перерабатывал. За переработку здесь не платят.

— Последнюю фразу лучше скажите самому инквизитору Линю, — улыбнулась врач. — Можете быть спокойны, я отдохну.

Фельдграу тоже слегка улыбнулся.

Он простился с врачом и вышел в коридор медицинского блока. Пройдя немного вперёд, он остановился у палаты и тихо постучал.

Ответа не последовало. Через матовое стекло двери он увидел, что в палате горела только ночная лампа.

Больным полагалась темнота для сна, но в Инквизиции запрещались помещения без освещения.

Значит, если было так тихо, пациент мог уснуть. Фельдграу постоял в раздумьях, затем всё же толкнул дверь.

В палате человек на кровати свернулся клубком, закутавшись в одеяло, наружу торчала лишь взъерошенная макушка.

Фельдграу вошёл и хотел было закрыть дверь, но в последний момент оставил её открытой.

Он сел на стул у кровати, прислушиваясь к дыханию из-под одеяла, и ничего не сказал.

Птицелюд просидел так долго.

Измученный болью и не в силах уснуть, Линь в полудрёме вдруг услышал ещё одно дыхание в палате.

Он резко проснулся и потянулся к подушке.

— Линь.

Голос верховного инквизитора остановил его.

Линь едва не сорвался на опасное действие. Он медленно выбрался из-под одеяла и с обидой посмотрел в сторону своего начальника.

— Верховный инквизитор, — произнёс он. Его глаза по-прежнему закрывала повязка, а на левый была дополнительно наложена толстая марлевая перевязь, но ритуалист всё равно точно определил, где находился Фельдграу. — Вам весело пугать меня?

— М-м, — Фельдграу не стал уточнять, весело или нет, и вместо этого спросил: — Как ты себя чувствуешь?

— Плохо, — честно ответил Линь. — Очень больно.

«И шум прибоа всё ещё не стихает».

Между бровями Фельдграу снова легла складка.

Он взгляделся в бледное лицо Линя и сказал:

— Хочешь узнать, какую премию ты получишь в этот раз?

<http://bllate.org/book/12612/1119974>